

ЗА КИБОРГАМИ НЕ ЗАРЖАВЕЕТ

КОМПАНИЯ УЭЙНА МАКГРЕГОРА ОТКРЫЛА ФЕСТИВАЛЬ GRAND PAS

*Известия - 2004 -
19 окт. - с. 15.*

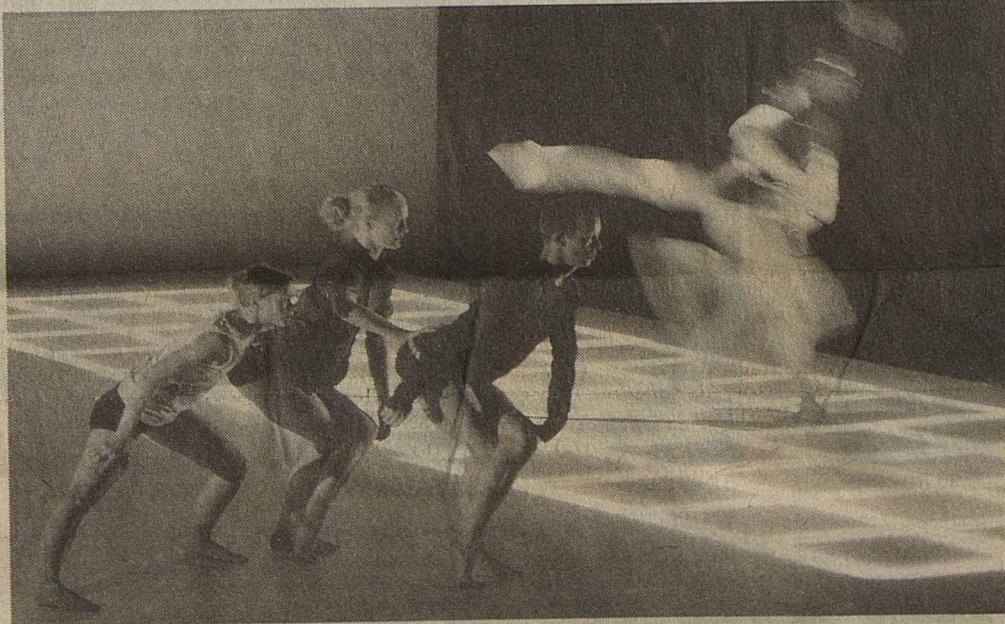
ОЛЬГА ГЕРДТ

Международный фестиваль современной хореографии Grand Pas открылся в Малом театре гастрольями британской Random dance company. Уэйн МакГрегор, надежда и опора современной британской хореографии, показал балет о трансформации. В его «Немезиде» люди превращаются в насекомых и клещают, как крабы клешнями, накладными металлическими протезами.

Уэйн МакГрегор любит все масштабное. Не в смысле монументального искусства (с этим явлением современный танец заигрывает в последнюю очередь), а в смысле всего космического и неохватного. Запереть танцовщиков в трех стенах, четвертой отгородиться и выяснять отношения двух или трех человек — это не для него. У МакГрегора — и «Немезида» тому пример — люди на сцене что звезды в космосе: хоть и прекрасны в ансамбле, но каждый сам по себе. Если хореограф и собирает их в созвездия — по двое, трое, четверо, — так это не потому, что намечился какой-то сюжет, а по великой случайности и согласно каким-то космическим законам притяжения-отторжения.

В «Немезиде», поставленной МакГрегором в 2002 году, можно наблюдать все то, что мы уже видели в супертехношоу «Миллениум», показанном его же компанией в Москве накануне нового тысячелетия. С той разницей, что МакГрегор как будто сменил любимый телескоп на микроскоп и иногда делает тягучие стоп-кадры. Бешеная скорость, на которой танцовщики едва успевают разбрасывать и подбирать конечности, сменяется периодами затишья — группа из девяти артистов растворяется, общий план сменяется крупным — и перед вами соло или дуэт с медленными, сладострастно разворачиваемыми в пространстве арабесками. Все это в мареве электронной музыки (сочинитель — диджей Сканнер в первый день работал за сценой), в обрамлении из видео- и световых эффектов: за спиной танцовщиков — фрагменты пустых интерьеров, под ногами — расчерченный светом на квадратики пол. Как будто парят в космосе, а земля напоминает о себе картинками в илломинаторе.

При такой дистанционности от всего обыденного (даже в дуэтах у МакГрегора царит унисекс, а мужчины ничуть не тяжелее женщин) трудно понять, за какие-то грехи хореограф в «Немезиде» решил покарать людей — по сюжету во второй части

Балет «Немезида» — очередная попытка хореографа МакГрегора «дисфункционализировать тело»

балета они превращаются в насекомых, так распорядилась богиня мести. Тела втискиваются в костюмы-панцири, а удлиняющие руки протезы делают артистов похожими на героев «Звездных войн», фехтовальщиков и кузнечиков одновременно. Пространство уплотняется за счет более тесных контактов — кажется, теперь у артистов одно многорукое тело. Но по сути — это метаморфоза без метаморфозы. Заявленная МакГрегором телесная формула — смесь механистичности и плавности, эластичности и судорожности — не меняется. Киборгамы были — киборгами и остались.

Сдается, вовсе не миф о Немезиде занимал воображение хореографа, а сама возможность, навешав железа, усовершенствовать машинку, от которой он и без того в восторге, — человеческое тело. И что бы там ни говорил автор, перед нами не взгляд на общество, изуродованное богами за грехи, а все тот же, еще в «Миллениуме» заявленный «взгляд на будущее современного танца», в котором границы стертые, пространство безразмерно, а люди — совершенны, как насекомые или птицы. Финальное соло, в котором сам хореограф (феноменально одаренный танцовщик) порхает по сцене, а на экране за его спиной бьется прозрачное, как

под рентгеном, тельце то ли бабочки. то ли стрекозы, — тому подтверждение.

В балете «Полярные секвенции», третью часть которого показали на второй день гастролей, МакГрегор верен себе. Нежнейший групповой танец на музыку Генри Перселла исполняют те же полудюди-полумашинки. Только этих хореограф вынул из далекой эпохи медленных, приторных, жеманных придворных танцев. А дальше происходит все то же самое, что было заявлено в «Немезиде». Машинка ломается, музыка рассыпается и под скрежущего Мерилина Мэнсона собирается, но уже по новой, усложненной схеме. Это не линия распада, это — полярные секвенции. Путь киборга танцующего, который в процессе эволюции периодически сбивается на механические па — будь то имитирующий марионеток балет или уличный брейк. И не потому, что рвется в будущее, а потому, что пытается вспомнить свое космическое прошлое.

Так что, если искать место Уэйну МакГрегору в ряду других озабоченных новейшими технологиями хореографов, выяснится, что он, конечно, не философ, но и не пустоголовый технар. Скорее — научный фантаст. Или околонуточный. Но фантаст.